

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 347.6

№ 3 (10) / 2016, с. 34-39

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК ОСОБЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Олег Александрович Пучков

доктор юридических наук, профессор,
Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: poa@ru66.ru

Владислав Олегович Пучков

Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: poa@ru66.ru

Статья посвящена проблеме правового режима наследственного договора в гражданском праве зарубежных стран. Авторы приходят к выводу, что данный институт носит смешанный, наследственно-правовой и договорно-правовой характер. В связи с этим в теории и практике гражданского права зарубежных стран возникают проблемы, связанные с применением к указанному институту положений наследственного и договорного права.

Ключевые слова: наследственный договор, правовой режим.

CONTRACT OF SUCCESSION AS A SPECIFIC INSTITUTE OF FOREIGN STATES CIVIL LAW: A GENERAL CHARACTERISTIC AND LEGAL REGULATION PROBLEMS

Oleg PUCHKOV

Doctor of Law, Professor,
Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
E-mail: poa@ru66.ru

Vladislav PUCHKOV

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
E-mail: poa@ru66.ru

The article is devoted to the general characteristic of the contract of succession in foreign states civil law and its legal regulation. The authors infer this institute to have a mixed inheritance and contract character. In this connection, the theory and practice of foreign civil law display the problems concerned with the application of inheritance and contract law provisions to this institute.

Keywords: contract of succession, legal regime.

История наследственного договора как особого института гражданского права уходит корнями в постклассический период римского частного права. Именно тогда появилось третье – наряду с наследованием по закону и по завещанию – основание наследования, получившее изначально название *actum fiduciae* (дословно – договор о доверии). По этому договору отец семейства, эмансипирующий сыновей, мог по взаимному согласию с ними установить свое право наследования определенной доли в их имуществе, т. е. назначить себя наследником в договорном порядке [6, с. 59]. Позднее практика римских юристов, изменила условия и содержание указанного договора в целях придания ему юридической силы, поскольку по общему правилу наследственные договоры (*acta de successione futura*) признавались недействительными [5, с. 229]. Благодаря деятельности римских юристов было сформировано общее правовое понятие наследственного договора (*actum de hereditate*) как имеющего юридическую силу «акта торжественной передачи имущества на случай смерти» лицу, которое «становилось в положение естественного наследника» [6, с. 53].

Данная конструкция наследственного договора впоследствии была перенята средневековым германским правом, что, по мнению F. Lassale, обусловило юридическую силу наследственных договоров в немецком праве [14, с. 589]. На это указывали и памятники германского права как средневекового периода, так и нового времени [7, с. 10].

Идея наследственного договора распространилась за пределы Германии только после принятия Германского гражданского уложения (далее – ГГУ, Уложение) [3, с. 8]. Как отмечает Н.Л. Граф, Уложение регламентировало все особенности наследственного договора и, прежде всего, его смешанную наследственно-правовую и договорно-правовую природу [10, с. 97]. Так, из п. 1 и 2 § 1941 ГГУ¹ вытекает следующее определение наследственного договора: это взаимное соглашение, по которому лицо может назначить другое лицо (являющееся или не являющееся другой стороной в договоре) наследником всего своего имущества или его части или отказополучателем при установлении легата.

Основные свойства наследственного договора, регламентированные ГГУ, были впоследствии восприняты правовыми системами других стран Европы – Швейцарией, Австрией, Польшей и др. [2, с. 40-42]. Позже

¹ Bürgerliches Gesetzbuch // Januar 2002 (BGBl. I S. 42, ber. S. 2909, ber. 2003 I S. 738).

наследственный договор появился в праве африканских [16] и латиноамериканских [21] стран. Специфическая модель наследственного договора утвердилась также в праве Англии и США [2, с. 40-42].

При этом указанные государства (за исключением стран прецедентной правовой семьи, где институт наследственного договора принципиально отличается от его европейской модели) дополняли германскую модель наследственного договора и изменяли ее сообразно требованиям времени и национальными особенностями правовой системы. Однако наибольшее развитие и распространение наследственный договор получил лишь в ряде стран, к числу которых относятся ФРГ, Англия и Швейцария. Так, в ФРГ наследственными договорами регулируется 15% всех наследственных отношений [13, с. 112], в Англии – 46,8% [20, с. 180], в Швейцарии – 75% [19]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что наследственный договор как основание наследования не только применяется наравне с традиционным завещанием, но в некоторых странах даже преобладает над ним. В связи с этим для целей настоящего исследования представляется рациональным уделить наибольшее внимание анализу наследственного договора в гражданском праве именно этих стран.

Как мы уже отмечали выше, исторически первым государством Европы, где возник институт наследственного договора, стала Германия, в цивилистической доктрине которой было сформулировано общее понятие наследственного договора (*Erbvertrag*). Так, известный немецкий юрист Н.Л. Граф определяет наследственный договор как «распоряжение на случай смерти, которое составляется двумя или более лицами в форме договора, по которому наследодатель назначает своим наследником вторую сторону договора или третье лицо» [10, с. 97].

В науке немецкого гражданского права существует понятие «сделок между живыми на случай смерти» (*Zuwendungen unter Lebenden auf den Todesfall*), к числу которых относят и наследственный договор. М. Harder отмечает, что по сути они представляют собой вещные сделки, правовые последствия которых возникают после смерти одной из сторон [12, с. 16]. При этом, как указывает Н.-А. Weirich, в части оснований недействительности, оспаривания, расторжения к данному институту применяются общие положения о сделках (а в случае заключения наследственного договора – общие положения о договоре) [22, с. 139]. Действительно, наследственный

договор обладает свойствами классического договора. Так, п. 3 § 2298 ГГУ устанавливает возможность расторжения наследственного договора, § 2283 – возможность его оспаривания до открытия наследства, § 2287 – возможность признания наследственного договора недействительным в случае злоупотребления правом (§ 226 ГГУ).

В то же время, как справедливо отмечает Е.П. Путинцева, «сущность наследственного договора заключается не просто в передаче какого-либо имущества в собственность другому лицу (как, например, в договоре купли-продажи), а в назначении наследника» [4, с. 71], о чем прямо указывается в § 2273 ГГУ. Данное свойство наследственного договора обусловило его обязательность для контрагентов, исключаящую возможность одностороннего отказа от исполнения договора и существенно ограничивающую возможность его прекращения [1, с. 3-9]. Также ГГУ содержит указание на то, что заключение наследственного договора происходит согласно правилам, предусмотренным для составления завещания (§ 2231-2233 Уложения).

Вместе с тем классическое завещание представляет собой односторонний акт, в то время как содержание наследственного договора может включать в себя распоряжения на случай смерти как одной из сторон (односторонний наследственный договор), так и обеих сторон (двусторонний наследственный договор). При этом, если обе стороны сделают в договоре распоряжения на случай смерти, то они приобретают взаимосвязанный характер (т. е. недействительность одного из распоряжений влечет недействительность всего наследственного договора) [4, с. 69].

Тот факт, что в наследственном договоре выражается воля двух и более лиц, обусловил невозможность отменить условия данного договора путем составления завещания, противоречащего ему, поскольку завещание – это односторонний акт. Более того, ГГУ в п. 1 § 2289 устанавливает правило, согласно которому заключение наследственного договора влечет за собой отмену любого распоряжения на случай смерти, сделанного до заключения данного договора, если данное распоряжение противоречит наследственному договору. В связи с этим, нельзя не согласиться с Е.П. Путинцевой, которая указывает, что в Германии «наследование по договору имеет приоритет перед наследованием по завещанию» [4, с. 17]. Также нередки случаи заключения «возмездных» наследственных договоров, в соответствии с которыми одна сторона делает

распоряжение на случай смерти (к примеру, назначает вторую сторону наследником), а вторая сторона делает встречное имущественное предоставление (например, обязуется до конца жизни наследодателя выплачивать ему определенные денежные суммы) [9, с. 339]. Интерес представляет тот факт, что, в отличие от обыкновенного наследственного договора, имеющего «отложенный правовой эффект» [4, с. 67], «возмездный» наследственный договор «выступает основанием возникновения двух правоотношений: относительного правоотношения, возникающего с момента заключения договора между его сторонами, и абсолютного наследственного правоотношения, возникающего после открытия наследства» [4, с. 69].

Интерес представляет в связи с этим позиция Федерального Верховного Суда ФРГ, высказанная им в постановлении от 05 октября 2010 г. по делу IV ZR 30/10. Истец – наследодатель по наследственному договору – требовал расторжения договора с другой стороной – наследником, который отказался исполнять свою установленную данным договором обязанность – осуществлять уход за наследодателем в течение всей его жизни. Ответчик иск не признавал, мотивируя свою позицию тем, что ГГУ в нормах о наследственном договоре устанавливает, что встречное предоставление со стороны наследника может иметь только имущественный (но не личный) характер, в связи с чем он не обязан исполнять указанное в договоре условие ввиду его противоречия федеральному законодательству. Также ответчик указал на то, что расторжение наследственного договора возможно только по специально предусмотренным основаниям, к числу которых закон не относит неисполнение второй стороной обязанности предоставить встречное предоставление. В решении по данному делу Верховный Суд отметил, что возмездный наследственный договор, будучи основанием возникновения абсолютного и относительного правоотношений одновременно, имеет в связи с этим смешанный характер. Из этого следует, что возмездный наследственный договор подчиняется как действию норм ГГУ о наследственном договоре, так и положениям о сделках между живыми. Исходя из этого, Суд признал, что если лицо, определенное в наследственном договоре наследником, обязалось предоставить любое встречное предоставление (даже неимущественного характера), то оно должно исполнить свою договорную обязанность. В противном случае договор может быть

расторгнут как на специальных основаниях, предусмотренных § 2295 ГГУ, так и на общих основаниях расторжения договоров, указанных в § 323 Уложения².

Таким образом, ключевыми отличиями немецкого наследственного договора от классического гражданско-правового договора является установленная в законе цель его заключения, в случае противоречия которой договор признается недействительным, форма данного договора, а также предмет договора и основания его расторжения и признания недействительным. Вместе с тем, как мы указывали выше, наследственный договор также отличается и от классических распоряжений на случай смерти, поскольку может быть двусторонним и иметь двустороннеобязывающий характер, имеет большую обязательную силу (не может быть изменен в одностороннем порядке по воле одной из сторон), а также приобретает обязательную силу с момента его заключения.

Представляет интерес модель наследственного договора, утвердившаяся в гражданском праве Англии. Юридическая возможность заключения наследственного договора в Англии была установлена в 1769 г., когда судья Палаты Лордов Lord Camden вынес решение по делу *Dufour v. Pereira*³. В решении указывалось, что муж и жена могут заключить соглашение, по которому каждый из них назначает своего супруга или третье лицо наследником. Предметом соглашения могла быть только доля в общем имуществе супругов, которая перешла бы в собственность сторонам договора при разводе. Данная конструкция получила название «зеркальное завещание» (a mirror will), хотя, как отмечает Orley R. Lilly Jr., по своей сути она гораздо ближе к брачному договору, чем к завещанию [18, с. 201].

«Зеркальное завещание» существовало в праве Англии в неизменном виде до вынесения решения по делу *Re Oldham* 1925 г.⁴ В данном решении судом было установлено, что «зеркальное завещание» – это один из возможных видов так называемых «взаимных завещаний» (a mutual will). Как указал суд, «взаимное завещание» – это договор, по которому стороны взаимно обязуются назначить наследниками друг друга (т. е. данный договор имеет двустороннеобязывающий характер) или третье лицо. При этом

круг лиц, с которыми может быть заключен такой договор, не ограничен только супругами. Для придания таким договорам юридической силы, необходимо, чтобы они были заключены в присутствии не менее, чем двух свидетелей, а также были нотариально заверены, в соответствии с требованиями ст. 9 Закона о завещаниях 1837 г. (Wills Act of 1837)⁵. Спустя еще несколько лет в деле *In re Green*⁶ было установлено, что данный договор также имеет большую юридическую силу, чем составленное до него завещание (заключение договора влечет ничтожность завещания), поскольку объединяет волю двух лиц [18, с. 202].

Таким образом, английская модель наследственного договора имеет некоторые сходства с немецкой. Однако в последнее время понимание наследственного договора в английском гражданском праве начинает меняться. Так, если ранее судебная практика признавала наследственно-правовую проблему «взаимного завещания», то в настоящее время суды все больше склоняются к ее договорно-правовой природе. Так, Апелляционный Суд Англии и Уэльса в решении по делу *Walters v. Olins*⁷ указал, что «взаимное завещание» может содержать условия как вещно-правовой, так и обязательственно-правовой природы, в связи с чем применение к «взаимным завещаниям» только общих положений о завещаниях, установленных в законе, не позволяет обеспечить достаточный уровень правового регулирования. В связи с этим суд указал, что «взаимные завещания» должны также регулироваться положениями договорного права и подчиняться правилам о процессуальной защите договорных правоотношений.

В связи с этим можно сделать вывод, что, исторически сформировавшись в наследственно-правовом поле, английское «взаимное завещание» постепенно приобретало все больше договорных элементов, что обусловило тот факт, что английская судебная практика начинает трактовать «взаимное завещание» как в первую очередь гражданско-правовой договор (a contract of succession).

Специфическая модель наследственного договора сформировалась в гражданском праве Швейцарии. Швейцарский Гражданский кодекс (далее – ШГК, Кодекс) в ст. 494⁸ устанавливает, что наследственным дого-

² BGH Beschluss vom. 05.10.2010. Az.: IV ZT 30/10 // NJW 2011, 224.

³ *Dufour v. Pereira*. 1 Dickens 419, 21 Eng. Rep. 332 (Ch. 1769).

⁴ *Re Oldham*, [1925] 1 Ch. 75, 84 (Ch. 1924).

⁵ Wills Act 1837 (1 Vict. c 26).

⁶ *In re Green* [1951] Ch. 148 (Ch. 1950).

⁷ *Walters v. Olins*. CA (Bailii, [2008] EWCA Civ 782, [2009] Ch 212, [2009] 2 WLR 1, [2008] WTLR 1449)

⁸ Schweizerisches Zivilgesetzbuch // AS 2009 3577.

вором признается смешанный гражданско-правовой договор, по которому одна сторона – наследодатель – назначает другую сторону или третье лицо наследником, или устанавливает завещательный отказ. При этом п. 2 ст. 494 Кодекса указывает, что лицо свободно в заключении такого договора в отношении любого принадлежащего ему имущества и с любым лицом, кроме случаев, если такое лицо было признано недостойным наследником. Также, как и в ФРГ, составленные до заключения наследственного договора распоряжения на случай смерти теряют юридическую силу. В ст. 512 ШГК установлено требование к форме договора: он должен быть составлен нотариусом в присутствии двух свидетелей со слов обеих сторон договора. В то же время после заключения наследственного договора наследодатель «не теряет возможности при заключении наследственного договора при жизни распоряжаться своим имуществом, даже когда это приводит к тому, что предусмотренные наследственным договором распоряжения относительно имущества будут невозможно исполнить или они потеряют всякий смысл» [1, с. 3-9].

Основным отличием швейцарской модели наследственного договора от английской и немецкой является специфика предмета договора. Как указал Федеральный Верховный Суд Швейцарии в постановлении от 02 июля 2013 г. по делу TFLa C 19/391⁹, системное толкование ст. 494 и 495 ШГК позволяет сделать вывод, что наследственный договор может иметь как «позитивный» характер, так и «негативный», т. е. данный договор может как устанавливать статус наследника, так и регламентировать отказ от наследства или от отдельной его части (например, от договорных обязательств наследодателя, которые бы перешли наследнику в порядке универсального правопреемства). При этом суд отметил, что «негативный» наследственный договор может быть заключен только с лицом, которому по закону причитается обязательная доля в наследстве.

М. Metzler отмечает, что, будучи по своей природе разновидностью смешанного гражданско-правового договора, наследственный договор базируется на идее взаимовыгодности договорных условий, в связи с чем одним из основных требований к наследственному договору является встречное предоставление [15]. Данное положение, как указывает ученый, ярче всего реализуется не в «позитивных», а в «негативных» наследственных

договорах, поскольку, отказываясь от наследства, лицо таким образом освобождает себя от возможной ответственности перед кредиторами наследодателя и от риска банкротства наследственной массы [15].

Таким образом, в Швейцарии, как и в Англии, теория и практика гражданского права указывает на договорно-правовую природу наследственного договора. Отличием Швейцарской модели от немецкой и английской является юридически закрепленная возможность заключения как договоров о назначении наследника, так и договоров об отказе от наследства. Общей чертой наследственного договора в праве указанных стран является нотариальная форма его заключения.

Тем не менее, проблемы правового режима наследственного договора до сих пор не решены ни в одной из указанных стран. Судебная практика и доктрина гражданского права указывают на то, что с течением времени наследственный договор в праве данных государств постепенно теряет свою специфическую природу. Ф. М. Hannah и М. McGregor-Lowndens полагают, что таким образом искажается сущность наследственного договора, который изначально всегда занимал особое положение в гражданском праве, сочетая в себе свойства и договора, и распоряжения на случай смерти [11, с. 5]. Как пишут авторы, усиление в правовом регулировании данного института договорных свойств, наблюдающееся в гражданском праве стран Европы, логически ведет к ослаблению его наследственно-правовой составляющей, в результате чего нарушается одно из основных начал как наследственного, так и договорного права – принцип автономии воли, поскольку, заключив наследственный договор, наследодатель уже не может изменить свое распоряжение на случай смерти без согласия второй стороны, которая в связи с этим может злоупотреблять своим правом [11, с. 5]. М. Reimann также указывает, что наследственный договор относится к числу институтов, «традиционно служащих обходу норм наследственного права, в том числе в части защиты интересов кредиторов умершего» [19, с. 219].

Интерес представляет тот факт, что в модельном ГК для ЕС (Draft Common Frame of References, далее – DCFR)¹⁰ также упоминается наследственный договор. Так, п. «b»

⁹ TFLa C 19/391 // Bundesgericht. Bulletin Neuschaffungen Nouvelles acquisitions. Lausanne Nr. 09 (23.08.2013 – 26.09.2013).

¹⁰ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Dieter Fuchs Stiftung in Dissen (Germany). 2009

ст. 2:103 ч. X DCFR устанавливает возможность перехода по договору наследственного имущества в рамках отношений траста, что свидетельствует о том, что в большинстве стран ЕС наследственный договор уже утвердился. Об этом свидетельствует и практика ЕСПЧ. Так, в постановлении по делу *Pla and Puncernau v. Andorra*¹¹ ЕСПЧ указал, что Европейская Конвенция по правам человека

регламентирует «диспозитивный характер наследственных правоотношений», в связи с чем государства-участники Конвенции обязаны гарантировать возможность договорного регулирования наследственных отношений. Таким образом, ЕСПЧ признал наследственный договор в качестве одной из гарантий права граждан на уважение частной и семейной жизни [17, с. 488].

Примечания

1. Аболонин В. О. Общая характеристика наследственного договора в праве Германии, Австрии и Швейцарии // Нотариальный вестник. – 2010. – № 2.
2. Лоренц Д. В. Договор об отчуждении имущества на случай смерти // Нотариальный вестник. – 2015. – № 5.
3. Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. – 2015. – № 1.
4. Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. – М.: Статут, 2015.
5. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. – М.: Зерцало, 2007.
6. Курдиновский В. И. Договоры о наследовании. Записки Императорского Новороссийского Университета юридического факультета. Выпуск IX, изданный под редакцией и. д. орд. проф. А. П. Доброклонского. – Одесса: Типография «Техник», 1912.
7. Baseler G. Die Lehre von den Erbvertägen. – 1927.
8. Bernard Vischer & Dr. Manuel Liatowitsch. Private client tax in Switzerland // Private Client Tax. – Second edition. – 2012.
9. Erbrecht: Ein Lehrbuch.
10. Graf H. L. Nachlaßrecht. Handbuch der Rechtspraxis. 8 Auflage. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 2010.
11. Hannah, Frances M. and McGregor-Lowndes, Myles. From testamentary freedom to testamentary duty: Finding the balance. – Brisbane: The Australian Centre for Philanthropy and Nonprofit Studies Queensland University of Technology, 2008.
12. Harder M. Zuwendungen unter Lebenden auf Todesfall. Ducker & Humboldt. – Berlin, 2008.
13. Kusitzky A. Ihr Wille geschehe // Focus. – 2007. – № 5.
14. Lassale F. Das System der erworbenen Rechte 1861 II. Das Wesen des germanischen Erbrechts.
15. Metzler M. – Ausschlagung und Erbverzicht in der dogmatischen Analyse. – Baden-Baden: Nomos; Bern: Stämpfli, 2013.
16. Michael E. O. Validity of testamentary contracts and promises: by will. – 2016.
17. De Schutter O. International Human Rights Law. Cases, materials, commentary. – Second Edition. – Cambridge: University Press, 2014.
18. Orley R., Lilly Jr. Will Contracts: Contract Rights in Conflict with Spousal Rights // Tusla Law Review. – Vol. 20. – 1984. – Issue 2.
19. Reimann M. Einführung in das US: amerikansche Privatrecht. – 2. Aufl. – München, 2014.
20. Robert K., Miller Jr., Stephen J. McNamee. Inheritance and Wealth in America. Springer Silence + Business Media, LLC. – 1997.
21. J. P. Schmidt. Testamentary formalities in Latin America with particular reference to Brasil // Comparative Succession Law. – Vol. 1. – 2012.
22. Weirich H.-A. Erben und Vererben: Handbuch des Erbrechts und der vorweggenommenen Vermögensnachfolge. – Herne; Berlin: Verlag Neue Wirtschafts-Briefe, 2014.

¹¹ *Pla and Puncernau v. Andorra*. App. No 69498/01, [2004] ECHR 334.